

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА. СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА. ФОНОСЕМАНТИКА. СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

НАНОСЕМЫ КАК ЛАТЕРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Ж.А.Вардзелашвили

Тбилиси, Грузия

Summary: Logical and lateral thinking are the essence of the cognitional act, which is fixed in a word. A word can be regarded as a conceptual system. Implicational compounds are structured by the nanosemes. According to our hypothesis, nanosemes are the lateral compounds of the meaning.

В основе процесса самоидентификации человека в мире лежит логическое мышление, определяющее ключевые узлы выстраиваемой им понятийной системы. Понятие, осознанное и осмысленное, покрывается словесным знаком и становится фактом языка. Однако в формировании языковой картины мира лежит еще один способ мышления; он связан с интуицией, творческими способностями, воображением. Перечисленное составляет основу латерального мышления, которое, так же как и мышление логическое, является вполне конкретным способом «применения собственного мыслительного аппарата» [Боно 1997: 9]. Оба способа являются синергетической основой субъективно-объективной природы видения человеком картины мира. Таким образом, в словесном знаке, с одной стороны, аккумулируется итог познания и творчества, что создает устойчивую систему, универсальный каркас значений слова, а с другой стороны, данная система под влиянием этих же процессов остается открытым множеством, которое в процессе речемыслительной деятельности (при нестандартном соположении знаков) способно вызывать творческий сдвиг, высвечивая в референтах новые стороны и создавая необычные образные модели.

Следовательно, слово может быть представлено в виде абстрактной понятийной системы, способной самоукрупняться и самоорганизовываться. Универсальная ипостась данной системы фиксируется в виде словарных дефиниций (включая и зафиксированные словарями узуальные метафоры, перифразы, – вообще любую разновидность узуальной вторичной номинации, не требующую развернутого контекста, понятную стандарт-

ной языковой личности, легко декодируемую и воспроизводимую). Словарная дефиниция фиксирует результат действия двух процессов – логического и латерального мышления. Доминантным в этом акте когниции является логическое мышление, а образы, вовлеченные в семантическое поле знака, – стереотипны.

Однако в процессе творческой деятельности, основанном на решительном уходе от ограничивающих стереотипов, данная система подвергается внутренней перегруппировке и сама же создает условия для возникновения новых образных моделей. При этом устоявшиеся связи перераспределяются, меняются сочетания, увеличивается их число. Логическое мышление продолжает действовать: расширение смысловых границ слова, которое отражает принципиальное условие творческого процесса, происходит по законам философской категории «логика здравого смысла», что и удерживает элементы системы, далеко отстоящие от инварианта, в ее пределах. Границы системы размываются, но продолжают действовать. Именно в этом свойстве заключается способность адресанта декодировать семантические загадки авторского дискурса. Словарная дефиниция при таком понимании оказывается лишь вершиной айсберга, той составляющей, которая очерчивает границы понятия, покрываемого данным словесным знаком безусловно, если под условием понимать контекст.

Основные функции языка – создание, хранение и передача информации – обусловлены когнитивной деятельностью человека. Когнитивные механизмы не доступны непосредственному наблюдению, и на современном этапе развития языкознания изучаются и реконструируются по данным внешней языковой формы. Проблема кодирования и структурирования информации и ее языковой репрезентации может быть рассмотрена с различных позиций: когнитивизма, психологии, логики, теории познания, семиотики... Каждый из перечисленных подходов выстраивает свои ряды допущений, высвечивая различные ракурсы вопроса. Однако вне зависимости от приоритетов очевидно, что уподобленный информационной системе человеческий разум открывает доступ к структурам внутренней репрезентации мира именно через язык, являющийся символическим репрезентатором когнитивных структур. При таком подходе язык исследуется в его связях с интеллектом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, с теми понятийными структурами, которые свойственны человеку разумному. При этом любая структура «применительно к строению или организации когнитивной системы – это термин в значительной степени метафорический, т.е. постулируемые структуры – это *условное представление* (курсив наш – Ж.В.) того, как организованы мысленные элементы, но не буквальное их описание» [Солсо 2002: 34], что является подтверждением в высшей степени абстрактной и сложной сущности слова, понимаемого как понятийная система – концепт.

Даже употребленное в своем прямом значении, слово-концепт может генерировать в реципиенте не только прямые связи с референтом, но вызывать из глубинных слоев сознательного и бессознательного все, что делает данное понятие прочувствованным: ассоциации, коннотации, зрительные образы, тактильные ощущения и т.д. Отдельное слово, являющее-

ся частью или элементом высказывания в структуре текста, проявляет в составе этого высказывания одно из возможных своих значений, а рождение общего смысла является результатом процесса выбора значения, необходимого для получения искомого смысла целого высказывания.

Основываясь на методологии когнитивных исследований, мы понимаем лексическую единицу языка в дискурсе как заместитель образных моделей субъекта. Она наделена информативной, коммуникативной, когнитивной и креативной функциями и заряжена потенциальной энергией выражать оценочные переживания субъекта по поводу объекта, репрезентировать неосознаваемые психические содержания, структурировать сознательные акты. Таким образом, слово является не только именем, носителем значения и смысла, но и символом, средством самовыражения индивида. Оно универсально, доступно всем носителям данного языкового сознания. Слово наделено способностью к символизации, которая приобретает им в пространстве интеллектуального поиска, в частности способностью интегрировать в одном понятии большой объем концептуальных содержаний, за поверхностной идеей подразумевать глубинную, вплоть до парадоксальной.

В семантическом пространстве художественного текста слово-концепт расширяет свою способность замещать одно психическое содержание другим, высвечивать и уточнять (укрупнять) новые ракурсы основного референта. В этом процессе смешиваются эксплицитная и имплицитная энергии, движущие значения и элементы смысла внутри системы.

Такая понятийная система – концепт, являясь научной абстракцией, может быть рассмотрена и как **феномен сознания**. Предлагаемое допущение восходит к терминологии философии Декарта, где «когитальное сознание есть ухватывание в любом осознаваемом содержании самого факта, что “я его осознаю” <...> Феномен есть, так сказать, иероглифический знак, и из него черпается материальный состав объектов, движущихся в этом сдвинутом измерении деятельности и понимания» [Мамардашвили 1994: 34]. По всей видимости, слово-понятийная система в совокупности ментального и лингвистического относится и к категориям, которые М.К.Мамардашвили определяет как эмпирический факт: «есть такие вещи, которые должны быть пережиты и заново установлены, непрестанно вновь рождаясь в лоне бесконечных потенций <...>. Важно происходящее внутри индивидуального переживания..., т.е. эмпирического факта..., в этом смысле эмпирией будет и его теоретическое содержание, например, выбор языка описания» [там же: 76].

Язык описания феномена сознания «свернут» в концепте. Выбор единиц языка для его описания – вербализаторов – задается эмпирическим фактом осознания явления, сжатого в «капсулу мысли». Материализуясь в слове, феномен сознания должен быть «схвачен знаком» [Кубрякова 1991], тогда он преобразуется в значение слова.

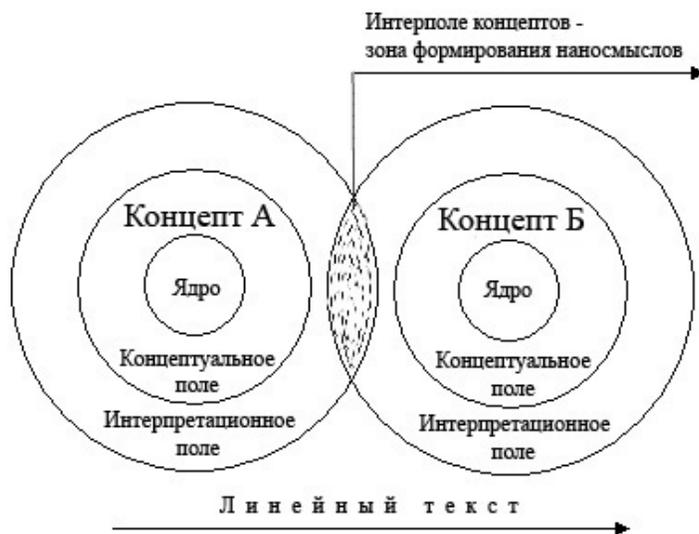
Все ли ракурсы явления, осознанного как эмпирический факт, поддаются материализации? Как представляется, любая из языковых единиц будет, скорее всего, лишь «ракурсом» когитально осознанного явления. Только в совокупности языковых означающих, объединенных в концепт

как концептуальную сферу, слово-понятийную систему, языковые единицы репрезентируют понятия, осознанные и прочувствованные, максимально приближенные к их ментальной картине.

В так называемые «опорные» концепты, наиболее осмысленные языковым сообществом, в концепты абстрактных понятий притягиваются (что подтверждается соответствующими лингвокогнитивными процедурами анализа) все новые и новые концепты, каждый из которых может иметь как ряд, поддающийся вербализации, так и ряд, не материализующийся, но присутствующий, сопутствующий как прочувствованный и осознанный факт.

Таким образом, каждый из концептов, составляющий единицу концептуального поля другого концепта, будучи взятым в отдельности, является единицей структурированного знания, но при этом он структурирует и новую понятийную систему. Это объясняет (предопределяет?) способность языка передавать ограниченным количеством языковых единиц практически бесконечное число смыслов. Внутренняя структура такой понятийной системы может быть представлена как пространство, «производящее собственные эффекты, которые являются не описательными или изобразительными, а конструктивными по отношению к нашим возможностям чувствовать, мыслить, понимать, т.е. «опера операнс»» [Мамардашвили 1994: 76].

Попытаемся представить эту абстракцию схематически:

Возможно, именно такое допущение о существовании внутреннего пространства понятийной структуры, генерирующей собственные эффекты, позволит объяснить не только способность языкового знака быть объектом интерпретации, но и «парение» смыслов, созначений, коннотаций, аллюзий в надзнаковом поле, intersubjective понимание невысказан-

ного, но ощущаемого и понимаемого неким «идеальным» читателем как код, сигнал, ключ.

Полагаем, что в предикационной цепи, разворачивающейся в дискурсе, концепты могут не только номинировать реалии, процессы, признаки, объединенные в данную понятийную систему, но и **генерировать собственные эффекты внутри** данного концептуального множества, обозначенного словом-номинатором концепта. Они могут **накладываться друг на друга своими интерпретационными полями**. При этом в зонах наложения полей создаются энергетически заряженные ассоциативно-образные узлы, когда «даже у простых существительных почва уходит из-под ног, и вокруг них возникает ореол условности» [Бродский 2000: 119].

Как отмечает Н.Д.Арутюнова, «в любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию» [Арутюнова 2001: 525]. Полагаем, что «отмеченность» некоторых слов, а порой и всего микротекста, объясняется существованием т.н. **наносем**, или **наносмыслов** [Вардзелашвили 2003: 226-232], которые не поддаются анализу на уровне классического компонентного анализа лексического значения слова. Когнитивная лингвистика предполагает известную степень допущения, что, прежде всего, связано с самим предметом исследования – ментальными процессами. Одним из таких допущений может быть мельчайший элемент человеческой мысли – наносмысл.

Наносмыслы – носители мельчайших частиц смыслов в коннотации слова, которые заряжены очень мощной энергетикой, способной «вытолкнуть» образующийся при данном соположении в линейном тексте смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти. Эти мельчайшие смыслы-атомы находятся в постоянной диффузии и обладают способностью к сцеплению с другими, масштабно себе подобными микроэлементами смысла, завязываясь в интерпретативные узлы, что ведет к трансформации в смысловой структуре слова.

Анализ на наномасштабном уровне, основывающийся преимущественно на интуиции исследователя и субъективных интертекстуальных аллюзиях, по сути является верификатором ассоциативного прочтения ненаписанного. Такой анализ определяет пределы интерпретации художественного текста, который сам же и диктует, в каком ключе его следует интерпретировать.

Помимо вектора интерпретации, наносмыслы могут влиять и на «текстуальное время». Как утверждает Умберто Эко, «в художественном произведении время существует в трех формах: фабульное время, время дискурса и время чтения» [Эко 2002: 99]. Время фабулы – это столько, сколько необходимо для ее развязки. «Дискурсивное время – более сложная категория: на чем основываться – на длине текста или на том, сколько требуется времени, чтобы его прочесть? <...> время дискурса есть результат совокупности приемов, которые обуславливают читательскую реакцию, равно как и время чтения» [там же: 99-106]. Отсылая читателя к интертекстуальной памяти, наносмыслы растягивают чтение, превращая его в декодирование через поиск ключей-отмычек. Очевидно, имея в виду

именно этот процесс, Иосиф Бродский назвал чтение «прыжком через само собой разумеющееся». Видимо, здесь следует уточнить: для кого – автора или читателя? Априори разумеющееся для автора не всегда уловимо для читателя. Но и читатель может уйти достаточно далеко от авторского намерения. В любом случае интерпретация, полагаем, начинается там, где завязываются интерпретативные узлы концептов, движимые энергией наносем.

Наносемы структурируют поток, основанный на латеральном начале нашего мышления, интуитивной, ассоциативной, образной перегруппировке компонентов сознательного и бессознательного. «Само собой разумеющееся» – категория логичного, но чтобы уловить ее в вымышленном, возможном мире, «читателям надо очень и очень многое знать о настоящем мире, чтобы использовать его в качестве адекватного фона для мира вымышленного» [Эко 2002: 157]. С другой стороны, именно это «само собой разумеющееся», которое присутствует в нас, читающих литературный текст, и является верификатором того, как далеко мы зашли в наших интерпретациях, придавая осмысленность всему бесконечному разнообразию вариантов, которое возникает в нас как плод синтеза активности логического и латерального мышления.

В эссе «Полторы комнаты» Иосиф Бродский пишет: «Какие запахи, ароматы и благоухания плавают в воздухе вокруг стоваттной желтой слезы, висящей на растрепанной косице электрического шнура» [Бродский 2000: 23]. Любому адресату, хоть раз видевшему электрическую лампу, понятно, что значит «желтая слеза». Но почему именно «слеза»? Микро и макротекст достаточно легко подсказывают ответ – убогость советского быта, бедность, унылость, тоска... Сумма ассоциаций перечисленных значений, каждое из которых само является отдельным концептом, подводит читателя к «желтой слезе». При этом «желтый» – еще один концепт, дающий основание для интерпретации дискурсивного «желтая слеза».

Исследования психологов, высказывания художников, писателей и поэтов обнаруживают некоторые основные закономерности, фиксирующие устойчивые связи объективных свойств цвета с реакциями, которые он вызывает; считается, что желтые и зеленые цвета вызывают наибольшее разнообразие ассоциаций. Это связано с тем, что в данной области спектра человеческий глаз различает наибольшее количество оттенков. Каждый из оттенков желтого связывается в сознании с определенным предметом или явлением, что и дает богатство ассоциаций.

Известно, что желтый цвет наиболее близок к дневному свету. Поэтому с ним ассоциируются радость, бодрость, тепло, сила, богатство (цвет золота, солнца). С другой стороны, желтый беспокоит человека, возбуждает и утомляет его. Он может стать невыносимым глазу и духу. Так, в известной работе «О духовном в искусстве» В.Кандинский пишет о том, что ярко-желтый цвет звучит, как резкая труба, в которую всё сильнее дуют, или как поднятый до большой высоты звук фанфар [Кандинский 1992]. Следовательно, с желтым может соотноситься в наших ассоциациях избыточное, невыносимое, напряжение и возбуждение. Негативная символика желтого цвета связана ассоциациями с увяданием, грустью, тлением, от-

чаянием, болезнью. Это подтверждается и на уровне словарной дефиниции: **Желтый** с пометой || [обозначение смыслового варьирования (оттенка значения), не выходящего за пределы данного значения]: Имеющий нездоровый цвет лица, тела (о человеке). *Лицо его совсем опухшее и желтое. Руки сморщились и стали желтыми* [БТС 2000].

«Прочтение» любого цвета может быть субъективным, индивидуальным, а может быть коллективным, общим для больших социальных групп в отдельной культуре. Очевидно, что то, что мы прочитываем в желтом у Бродского, истолковывается как вполне понятный символ, что подкрепляется следующим знаком-сигналом – слеза. Большой толковый словарь русского языка (2000) дает следующее толкование: **Слез** – 1. Прозрачная, солоноватая жидкость, омывающая глазное яблоко и предохраняющая его от высыхания, выделяемая слезными железами. Прозрачная, но *не желтая!*

Другое прочтение символа «желтый» находим у того же автора в эссе «Fondamenta degli incurabili» («Набережная неизлечимых»), где этот цвет можно «вскрыть» в генитивной метафоре «парфенон свечей», но лишь после определенных наномасштабных процедур лингвистического анализа. Приведем ее в контексте предложения: *Если вечером ты работаешь, то зажигаешь целый парфенон свечей – не ради настроения или света, а из-за их иллюзорного тепла.*

Собственное имя Парфенон, вершина классической древнегреческой архитектуры, превращается у Иосифа Бродского в нарицательное. Этим мазком поэт раздвигает границы слова **Парфенон**: его индивидуальность, единичность становятся общностью, парфенон для поэта – это **храм вообще**. Но это и культовое сооружение, которое отмечено особенной величественностью. Иначе почему *парфенон*? Компонентный анализ этой микросистемы по различным параметрам представлен в [Вардзелашвили 2003]. В результате анализа выявилось: **Парфенон**: 1) здание; 2) здание для богослужения; 3) священное место, внушающее чувство благоговения. Следовательно, в данном контексте согипонимом можно считать слово **храм**, а видовым понятием – **здание**. Обратимся ко второму компоненту метафоры. **Свеча**: палочка из жирового вещества с фитилем внутри для освещения [БТС 2000].

Считая словарную дефиницию недостаточной для прочтения метафоры, поскольку в авторском *парфенон свечей* ощущается гораздо большая семантическая нагрузка, чем простая «палочка из жирового вещества» (*поставить свечу кому-л., за кого-л., что-л.*), мы обратились к ассоциативному эксперименту. Самый распространенный вариант ответов – *много* (по аналогии с классической генитивной конструкцией Сущ + Сущ./р.п.). Существенно, что грамматически зависимый член в данном примере принадлежит к семантической группе слов, обозначающих реалии, которые могут быть представлены в большом количестве или объеме, как, например, *слезы, радость, огни*. Поэтому словосочетание в целом создает представление о множестве однородных предметов. Но почему именно Парфенон? Сюжет эссе связан с Венецией, а это вызывает образы из интертекстуальной памяти: памятники классической архитектуры, Рим, Греция, мра-

мор... Парфенон – это четкость линий, устремленных ввысь. А свечи? С ними в нашем ментальном пространстве связаны не только свет, но и сакральность. Так завязывается интерпретативный узел: свеча – это разновидность жертвы, приносимой на алтарь. Итак, сакральность свечей. Парфенон – снова алтарь, жертвенность, сакральность... Поэт зажигает «целый парфенон свечей». Горящая свеча – это желтый цвет. Наномасштабные единицы смысла создают тончайшую ткань нового, возможно избыточного значения. Как известно, Парфенон создан из пелопонесского мрамора. Цвет его отличается *желтоватым* оттенком. Желтые свечи как колонны, желтые колонны как свечи. Горящая свеча – это защита, значит, есть и страх, много страха (свечей – целый парфенон), от которого хочется защититься. Свет свечи – это покой, уют, связь с космосом, гармония.

Итак, с одной стороны, желтый – это слеза, неуютность, тоска, бедность... С другой – высшая жертвенность, гармония, устремленность ввысь... Гармония, покой. От чего просит защиты автор? Во имя чего приносит жертву?

«Прыжок через само собой разумеющееся», который должен совершить вслед за автором читатель, может быть стремительным, а может быть парением. Этим определяется дискурсивное время, которое, в том числе, зависит от читательской готовности и читательского умения «помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания» [Барт 1989: 425-426].

Полагаем, что наносемы как единицы, образующие смысловые и образные узлы между интерпретационными полями отдельных концептов (понятийных структур), несут нагрузку, существенную для интеллектуальной цепочки текста, в том числе и для множественности его прочтения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 2001 – *Арутюнова Н.Д.* Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001.
Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы // Семиотика. Поэтика. М., 1989.
Боно 1997 – *Боно де Э.* Латеральное мышление. СПб., 1997.
Бродский 2000 – *Бродский И.* Катастрофы в воздухе // Поклониться тени. СПб., 2000.
БТС 2000 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
Вардзелашвили 2003 – *Вардзелашвили Ж.А.* Наносмыслы лексических структур // Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003.
Кандинский 1992 – *Кандинский В.* О духовном в искусстве. М., 1992.
Кубрякова 1991 – *Кубрякова Е.С.* Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.
Мамардашвили 1994 – *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тб., 1994.
Солсо 2002 – *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб., 2002.
Эко 2002 – *Эко Умберто.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2002.